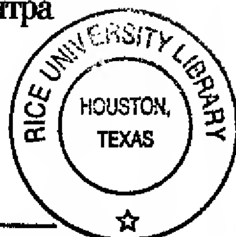
«МИР, ПРОГРЕСС, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»
Публикации Музея и общественного центра
имени Андрея Сахарова

ВЫПУСК 6

КАЗАХСТАН И РОССИЯ:
ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Редактор - составитель Д.Е.Фурман

Москва
«Издательство ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»
2004

ББК 8.1
К 14

Ответственный редактор-составитель –
доктор исторических наук профессор ***Д.Е. Фурман***

Книга написана и опубликована по заказу и на средства
Фонда Андрея Сахарова (США)
и его президента г-на Эдварда Кляйна

К 14 **Казахстан** и Россия: общество и государство. – М.: «Права человека», 2004. – 522 с.

Данная книга – сборник статей авторов из России, Казахстана и других стран. В ней рассматриваются вопросы постсоветского развития Казахстана, анализируются причины сходства и различий его эволюции с эволюцией постсоветской России. Книга предназначена как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

ББК 8.1

Ответственные за выпуск *И. Зайцев*
Корректор *М.Крючкова*

ИД № 02184 от 30.06.2000. Подписано в печать 15.12.2004.
Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура ньютон.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 1541

Издательство «Права человека»,
119992, Москва, Зубовский бульвар, 17
веб-сайт: www.hrpublishers.org

Фабрика офсетной печати, г. Обнинск, ул. Королева, 6

ISBN 5-7712-0316-5

Дмитрий Фурман

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ КАЗАХСТАНА И РОССИИ

Введение

Эта книга – уже шестая в выпускаемой Музеем и Общественным Центром имени Андрея Сахарова серии, посвященной республикам бывшего СССР. Цели серии – и просветительские, и научные. Каждый раз мы пытаемся вычленить и объяснить общее и особенное в постсоветском развитии данной страны, прежде всего общее и особенное по отношению к России. Понять, куда мы идем, могли ли мы идти в каком-то другом направлении, почему мы все же пошли именно по такому пути, можно лишь сравнивая себя с другими, и прежде всего с теми другими, которые имеют схожие генезис и опыт, – нашими бывшими «братскими республиками».

Предыдущий выпуск был посвящен странам Балтии. Эти страны сразу же пошли в своем постсоветском развитии по пути, принципиально отличающемуся от российского. Сейчас сравнивать балтийские социально-политические системы с российской – почти то же самое, что сравнивать нас с США или Германией. Сравнение России со странами показывает, что, начиная с очень близких (а формально – просто тождественных) нашим стартовых условий, можно было развиваться совершенно иначе и, следовательно, наш путь – отнюдь не единственно возможный путь постсоветской страны, и то, что нам кажется естественными способами решения естественных постсоветских проблем, – на самом деле наши способы решения наших проблем. Другие могут решать их совсем иначе или даже вообще этих проблем не иметь[1].

Казахстан дает нам совершенно иной «урок». Если, глядя на страны Балтии, мы обнаруживаем, что наши проблемы и их решения – не «обязательные» и не «всеобщие», то, глядя на Казахстан, мы видим, что наши проблемы и наши решения – достаточно распространенные и типичные.

1

Казахстан – страна очень далекая от России по культурным основам и исторической памяти и психологии своего основного и титульного на-

рода. Русские – народ исторически земледельческий, казахи – кочевники. Россия – страна с древней государственной имперской традицией. Казахи до завоевания Россией так и не создали централизованного государства и были разделены на племена и жузы. Общенациональное самосознание казахов зарождается лишь в российский период казахстанской истории, под влиянием социальных процессов, вызванных к жизни колонизацией, под влиянием европейских идей, усваиваемых казахской элитой (см. статью Г. Косача).

Русские – народ тысячелетнего православия, казахи – народ поздней исламизации, в религиозном сознании которого сохраняется мощный пласт доисламских верований. Тесная связь Казахстана с Россией и ее мощное культурное влияние на казахов установились лишь в новое время, с включением казахских земель в Российскую империю, а затем в ее новую «ипостась» – СССР.

Положение русских и казахов в империи и в СССР, естественно, было очень разным. В СССР казахам пришлось пережить фактический геноцид, устроенный сталинской властью в период коллективизации (о механизме этого геноцида см. статью Н. Пьянчолы)[2]. В результате этого геноцида и громадных размеров колонизации Казахстана, как добровольной, так и принудительной (в Казахстан при Сталине ссылались целые народы), в 50-е гг. казахи превратились в меньшинство в Казахстане, причем меньшинство, подвергшееся значительной русификации.

Тем не менее значение советского периода этим отнюдь не исчерпывается. В СССР казахи в конце концов сформировались в современную нацию, обладающую полной социальной структурой. В конце советского периода массовые миграции в Казахстан прекращаются, удельный вес казахов в населении постепенно увеличивается, а в казахстанской номенклатуре казахи преобладают. В значительной мере этому способствовало то, что Москва сталкивалась в Казахстане с плотной и закрытой для нее средой общества, пронизанного сетью родовых связей. (См. статью Э. Шаца, в которой автор пытается объяснить устойчивость этих связей воздействием самой советской системы.) Попытка Москвы «навести порядок» в Казахстане и добиться реального подчинения центру привела к алмаатинским событиям 1986 г., когда казахстанские студенты выступили против присланного из Москвы «проконсула» и в защиту снятого М. Горбачевым первого секретаря ЦК Казахстана Д. Кунаева. (См. статью В. Ардаева.)

Но, несмотря на эти громадные культурные различия и различия исторической памяти, социально-политический строй постсоветского Казахстана и его эволюция очень близки к социально-политическому строю и его эволюции в России. Казахстан значительно более похож на Россию, чем, например, во много раз более близкая к России по глубоким основаниям своей культуры Украина.

Строй обладает своей собственной внутренней логикой, не зависящей от культуры. Особенности культуры и психологии народа на исторических развилках типа той, в которой пребывали все народы СССР на рубеже 80-х – 90-х гг., могут влиять на выбор строя. Но если выбор сделан, разворачивается собственная, внутренняя логика строя. Культура Кореи очень далека от культуры Туркмении, но статуи Туркменбаши очень похожи на статуи Ким Ир Сена, а в Южной Корее, наоборот, таких статуй вообще нет.

Русские и казахи – очень разные народы. Но к моменту распада СССР то, что было у них общим – неподготовленность к этому распаду, отсутствие демократического опыта, отсутствие какой-то ясной картины того строя, который они хотят создать, страх перед неожиданно свалившейся свободой, в которой мерещились всякие ужасы – анархия, гражданская война, национальные междоусобицы, определили их общий исторический выбор. И последствия этого выбора, логика его следствий, «зависимость от выбранного пути» на период существования этого строя важнее, чем культурные отличия русских и казахов.

2

Исторический выбор, сделанный россиянами и казахстанцами на рубеже 80-х – 90-х достаточно типичен для нашего времени. И российский, и казахстанский режимы принадлежат к типу, характерному для постсоветского пространства и распространенному и за пределами СНГ, во многих странах «третьего мира». Это – режимы власти «безальтернативных» президентов, передающих эту власть по наследству, или каким-то определенным ими лицам, или просто своим детям[3]. Я не знаю, какой термин годится для их определения. Термин «нелиберальная демократия» мне не кажется подходящим, ибо, во-первых, эти режимы – не демократии, во-вторых, некоторые из них могут быть и относительно либеральными. Их можно было бы назвать монархиями, и грань между ними и монархиями – очень неопределенна. Тем не менее монархами такие президенты себя не провозглашают, и хотя передача власти по наследству для них очень типична, она всегда легитимизируется имитацией общенародных выборов[4]. Их, может быть, можно назвать режимами «стыдливого авторитаризма» или «имитационной демократии», ибо во всех этих режимах фактически неограниченная и внеправовая власть сочетается с правовыми и демократическими формами и прикрывается ими, имитирует правовые и демократические институты.

Фактически президенты – просто «есть», они когда-то в первый раз были избраны на настоящих выборах, или захватили власть, или получили ее от своих предшественников, но сохранение ими этой власти не зависит от выборов. Однако формально президенты избираются или продлевают свои полномочия референдумами. Фактически президенты не зависят от конституций, которые сами «сочиняют» и меняют, если они

стали неудобными, но формально – конституции есть. Фактически в таких системах не может быть разделения властей. Но формально есть парламенты (и в них даже может быть какая-то оппозиция) и иногда даже конституционные суды.

Режимы такого типа, естественно, очень распространены в мире, где демократические нормы и принципы приобрели всеобщее значение, где практически исчезли идейные, сознательные альтернативы демократии (коммунизм, фашизм и т.д.)[5], но где большинство народов в результате как недостаточного уровня своего социального и культурного развития, так и особенностей своей культуры еще не способны жить в условиях демократии[6]. «Стыдливые авторитаризмы» или «имитационные демократии» появляются тогда, когда общество не может жить в условиях демократии, но и не может в этом признаться.

Если действия правителей обусловлены двумя императивами – необходимостью сохранять и укреплять свою личную власть и необходимостью при этом имитировать правовые демократические формы, естественно, перед ними возникают одинаковые проблемы, и это определяет общую логику функционирования и развития режимов. Наверняка сравнение, скажем, казахстанского или российского режимов с египетским или сирийским тоже выяило бы множество сходных черт.

Но если однотипные режимы возникают в особо схожих условиях и должны решать многие специфические, порожденные этими общими условиями и общим генезисом проблемы, – как российский и казахстанский, – то сходства еще больше[7].

3

В статьях А. Куртова, А. Либмана и П. Своика и в моей содержатся попытки последовательного сравнения политического, правового и экономического развития наших стран и выявляется громадное множество аналогий.

Аналогично общее направление развития – ко все большему сосредоточению власти в руках правителей, аналогичны ситуации, «сцены» российской и казахстанской постсоветской истории – конфликт президента и парламента, кончающийся разгоном парламента и принятием удобной для президента конституции, построение «властной вертикали», приватизация, в ходе которой обогащаются прежде всего люди, близкие к президентам и их семьям, поиски преемника, создание президентских партий, конфликт президента и олигархов и т.д. Соответственно аналогичны и персонажи наших «пьес», хотя функции, выполняемые в одной «пьесе» двумя персонажами, в другой могут совмещаться у одного.

Назарбаев – это Ельцин, но так как он дольше стоит у власти, ему частично приходится уже играть роль Путина. Казахстанский Ходорковский – это сидящий сейчас в тюрьме Жакиянов. Кажегельдин – это ка-

захстанский Гайдар и казахстанский Березовский в одном лице. Партия «Отан – Отечество» – это казахстанская «Единая Россия». Генерал Гари Касымов – это казахстанский генерал Лебедь (может быть, с легким налетом Жириновского) и т.д. Путина еще нет, ибо казахстанский президент крепче здоровьем, чем наш первый президент, но по сюжету пьесы он должен появиться.

В Казахстане и в России мы видим как бы разворачивание предстоящего в разных национальных формах, но одного и того же сюжета, как в мифах, эпосе или сказках одного народа мы легко видим сюжеты и персонажи-функции, общие многим народам. И как общность мифологических сюжетов нельзя объяснить влияниями и заимствованиями, хотя часто такие заимствования прослеживаются, так и сходство российского и казахстанского «социально-политических сюжетов» нельзя объяснить влияниями, хотя иногда президенты использовали опыт друг друга.

В силу такого сходства развитие Казахстана представляет, на наш взгляд, особый интерес для российского читателя. Многие российские процессы, которые могут представляться случайными и чисто индивидуальными, при таком сравнении предстают как закономерные и естественные. При этом иногда Россия опережала Казахстан, но иногда и Казахстан опережал Россию. Иногда какие-то общие процессы предстают в наиболее яркой форме в России, иногда – в Казахстане. Во всяком случае, изучая других, мы неизбежно начинаем лучше понимать самих себя.

4

Для нас важно не просто констатировать сходство установившихся в наших странах систем и взаимосвязь их элементов, но и попытаться «заглянуть в будущее». Авторитарные режимы совершают естественный жизненный цикл: они идут от зарождения через зрелость к концу.

Пока в постсоветском пространстве было лишь одно падение режима безальтернативного президентства – это падение относительно либерального режима Шеварднадзе в результате «революции роз» 2003 г.[8]. Но если выйти за пределы постсоветского пространства, мы видим, что есть демократии, развивавшиеся на протяжении уже не первой сотни лет и не показывающие признаков кризиса, но нет ни одного нетрадиционалистского авторитарного режима, где власть передавалась бы от главы государства к назначенному им преемнику и который сохранился бы до наших дней хотя бы с 1950 г. Режимы этого типа изначально «хрупкие» и по мере развития становятся еще более «хрупкими».

На наш взгляд, очень мало вероятно, что в наших странах линия передающих друг другу власть президентов продержится ряд десятилетий. И если российский режим пока представляется достаточно прочным, то в казахстанском уже видны черты надвигающегося кризиса. Этот кризис и даже падение режима еще не означает, однако, что общество переходит к демократии. Как это было много раз в истории разных стран третьего

мира, падение авторитарного режима может привести после периода неустойчивой демократии, переходящей в анархию, к установлению однотипного режима с несколько иной идеологической окраской.

Может ли казахстанское общество на этом этапе своего развития перейти к устойчивой демократии, достаточно ли оно «созрело» для этого – вопрос открытый. Ответа на него у нас нет. Но некоторые аспекты казахской культуры, как представляется, способствуют относительно быстрой эрозии теперешнего режима и дают основание говорить, что казахстанская демократия не может рассматриваться как нечто такое, что может наступить лишь в каком-то туманном и отдаленном будущем.

5

Национальная религия казахов – ислам, очевидно, не может рассматриваться как фактор, способствующий демократии. Совершенно не случайно, что исламская часть современного мира – зона, в которой преобладают авторитарные режимы[9]. Но, во-первых, если ислам не способствует усвоению демократических норм, то он явно и не является непреодолимым препятствием к этому, поскольку мусульманские демократии все-таки есть. Во-вторых, ислам – лишь один из аспектов казахской культуры. Исламизация казахов была относительно поздней и поверхностной, в казахской культуре в значительной мере сохранилась та специфическая архаичная терпимость к разным религиям, которая так поражает у монголов Чингис-хана и Батыя. Это специфическое отношение к религии, большая открытость казахов по отношению к «чужому» прослеживается в статье Б. Бектургановой. Вообще терпимость стала для казахов частью образа самих себя. В какой-то мере это, очевидно, влияет на характер казахстанской демократической оппозиции, в которой коммунисты могут сотрудничать с либералами западного толка и, более того, русские организации – с казахскими националистическими. Несомненно, это один из факторов, способствующих демократизации.

Значительно сложнее роль другого фактора – сохраняющихся жузовых и племенных связей. Роль этих связей очень плохо изучена, и в литературе можно встретить как полное отрицание их значения, так и, наоборот, явное его преувеличение, когда чуть ли не вся социальная и политическая жизнь рассматривается сквозь призму «борьбы жузов». Мне думается, что роль этих связей во всяком случае не однозначно негативная. Они могут играть роль «суррогата» гражданского общества, создавать опору индивидам в противодействии власти, делать индивида несколько менее одиноким. Они могут смягчать идеологическое противостояние, создавая перекрещивающиеся лояльности. Все это очень сложные вопросы, и для ответа на них необходимы большие и целенаправленные социологические и этнографические исследования, которых нет.

Схожую с сохранением жузовых и племенных связей роль, возможно, играет и громадный этнический и конфессиональный плюрализм ка-

захстанского общества. Авторитаризм, даже если он провозглашает идеологию прав меньшинств и «общего дома», своим естественным стремлением к унификации и подчинению всего общества не может не ущемлять права меньшинств. Поэтому объективные интересы меньшинств – и прежде всего самого большого русского меньшинства – диктуют, как показано в статье А. Докучаевой, их антиавторитарную ориентацию.

Плюралистическое и в целом терпимое казахстанское общество, в котором коммунисты сотрудничают с правыми, а русские – с казахами и в котором основная нация имеет сложную внутреннюю организацию и не представляет собой совокупности атомизированных индивидов, полностью беззащитных перед властью, – не самая идеальная среда для авторитаризма. Оппозиционное демократическое движение в Казахстане, во всяком случае, сейчас сильнее и организованнее российского, а казахстанская власть чувствует себя менее уверенной, чем российская.

Мы не можем прогнозировать будущее Казахстана. Но казахстанская демократия – совсем не такая уж невероятная в исторически обозримом времени. А в более отдаленной перспективе установление демократии в обеих наших странах, очевидно, неизбежно. Лучшее знание схожих проблем России и Казахстана может в какой-то мере облегчить и ускорить ее становление.

Заканчивая это короткое введение, я хочу выразить искреннюю и глубокую благодарность за помощь в работе над книгой московской журналистке Санобар Шерматовой, а также сотруднику Института Европы РАН Светлане Ждановой.

Примечания

[1] Например, нет в странах Балтии проблемы построения «властной президентской вертикали», ибо и республики там – не президентские, нет борьбы с олигархами, ибо нет олигархов, и т. д.

[2] В годы коллективизации погибло до 40% казахов. Таким образом, масштабы сталинского геноцида казахов вполне сопоставимы с масштабами гитлеровского геноцида евреев. Принципиальным отличием этих двух геноцидов было то, что Гитлер сознательно стремился истребить всех евреев, а Сталин никогда задачи истребления казахов не ставил. Наоборот, казахов стремились сделать «передовой социалистической нацией». Гитлеровский геноцид был геноцидом злой воли, сталинский – скорее геноцидом «государственного идиотизма», когда власть преследует скорее даже хорошие цели, но в силу ее полной бесконтрольности и проистекающего от бесконтрольности безумия ее «добрыми намерениями» буквально «вымощен путь в ад».

Есть еще одно принципиальное отличие. Гитлеровский геноцид стал мощным фактором немецкого сознания, породив немецкое чувство вины перед евре-

ями и стремление эту вину искупить. Сталинский геноцид казахов практически не присутствует в русском сознании.

[3] В СНГ пока только один случай передачи власти по наследству от отца к сыну – в Азербайджане, но практически несомненно, что это – первый, но не последний случай. Вне СНГ таких квазимонархий много (Сирия, Северная Корея, Никарагуа при Сомосах, Гаити при Дювалье и др.).

[4] Единственный случай – эксцентричный «император» Бокасса в Центрально-Африканской – при нем – империи, сейчас – республике.

[5] В современном мире может сохраняться относительно устойчивый не демократический традиционализм, как в Свазиленде или Саудовской Аравии. Но идейной альтернативой он не является, и эти государства – «реликты» прежних эпох. Исламский фундаментализм в какой-то мере являет собой такую альтернативу. Но единственная страна, в которой он победил, – Иран также в значительной мере воспроизводит и имитирует демократические формы.

[6] Ясно, что разные культуры могут или облегчать, или, наоборот, затруднять укоренение демократических институтов. Уровень развития общества и тип культуры взаимодействуют так, что при отсутствии в культуре достаточных предпосылок демократии для установления демократических институтов нужен значительно больший уровень развития, чем наличие в культуре черт, способствующих усвоению демократии. Например, в случае России тип культуры действует как антидемократический фактор. Русские практически никогда не жили в условиях демократии или хотя бы в условиях, приближающихся к ней. Поэтому для демократии в России нужен уровень развития значительно больший, чем для демократии в других странах, с иным типом культуры. В качестве противоположного примера, очевидно, можно привести Индию. Индия до сих пор – общество с неграмотной половиной населения. Тем не менее укорененность демократических институтов в этой стране поразительна. Очевидно, объяснение этого кроется в колоссальном плюрализме и идейной терпимости индуизма.

[7] Я думаю, однако, что если провести последовательное сравнение, скажем, российского или казахстанского режимов с однотипными режимами с совершенно иным генезисом, то признаков сходства мы все равно найдем очень много. Наверняка, скажем, Мубарак в Египте думает над теми же проблемами, что и Путин в России, – как найти баланс между реальной властью и формой, то есть как сделать так, чтобы в парламенте все-таки была какая-то оппозиция, как этого требует форма, но чтобы она не стала опасной для власти. Набор возможных решений очень ограничен.

[8] Смена власти очень вероятна в Украине, но в Украине вообще нельзя говорить об устоявшемся режиме этого типа, скорее здесь можно говорить о попытке создать такой режим.

[9] Организация «Фридом хауз» каждый год выставляет оценки уровня политической свободы всем странам мира. Оценка 1 означает максимальный уровень демократичности, оценка 7 – максимальный уровень авторитаризма. Из 41 страны мира с мусульманским большинством оценку 1 в 2003 г. не получила ни одна, оценку 2 – две страны (Мали и Сенегал), 3 – три (Албания, Индонезия и Турция), 4 – три, 5 – семь, 6 – восемнадцать и 7 – восемь. Наоборот, из 59 стран, получивших оценку 1, нет ни одной мусульманской. На постсоветском пространстве мы видим схожую картину. Все мусульманские страны и Белоруссия имеют оценки 6 и 7, христианские страны имеют «лучшие» оценки (оценка России – 5).

Оценки политической свободы на постсоветском пространстве за 2003 г.: 1 – Эстония, Латвия, Литва, 3 – Молдова, 4 – Украина, Грузия, Армения, 5 – Россия, 6 –Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Беларусь, 7 – Узбекистан и Туркмения. Оценки «гражданских свобод»: 2 – Эстония, Латвия, Литва, 4 – Молдова, Украина, Армения, Грузия, 5 – Россия, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, 6 – Беларусь, Узбекистан, 7 – Туркмения.

ОБ АВТОРАХ

Ардаев Владимир, журналист, в 1987—1998 гг. корреспондент газеты «Известия» в Казахстане, Москва.

Бектурганова Бажытжамал, доктор философских наук, президент Ассоциации социологов и политологов Казахстана, Алматы, Казахстан.

Борисова Екатерина, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва.

Докучаева Александра Викторовна, кандидат физико-математических наук, депутат Верховного Совета Казахской ССР XI созыва, одна из основателей и председателей (1994—1995 гг.) Республиканского движения «Лад» в Казахстане, в настоящее время заведующая отделом диаспоры и миграции Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ), Москва.

Жуков Станислав, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, Москва.

Косач Григорий, доктор исторических наук, профессор, Институт Стран Азии и Африки, Москва.

Куртов Аждар, президент Московского центра публичного права, Москва.

Либман Александр, научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований, Москва.

Ока Нацуко, научный сотрудник Института развивающихся экономик, Токио, Япония.

Пьянчола Никколо, докторант Университета Суор Орсола Бенинказа, Неаполь, Италия.

Своик Петр, директор учреждения «Демократическая экспертиза. Аналитическая служба Петра Своика», Алматы, Казахстан.

Фурман Дмитрий, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН, Москва.

Шац Эдвард, доцент кафедры политических наук Университета Южного Иллинойса, США.

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Фурман.
Сходства и отличия Казахстана и России.
(Введение) 3

Григорий Косач.
Казахский «образованный класс» в Российской империи 12

Никколо Пьянчола.
Казахские пастухи между коллективизацией и голодом.
1928–1934 79

Эдвард Шац.
Роль государства в устойчивости родовых связей в Казахстане 114

Владимир Ардаев.
Камень на распутье (декабрьские события 1986 г. в Алма-Ате) 133

Дмитрий Фурман.
Постсоветский политический режим Казахстана 178

Аждар Куртов.
Развитие конституционализма в Казахстане 272

Бахытжамал Бектурганова, Дмитрий Фурман.
Массовое сознание и религия в Казахстане и России 355

Александра Докучаева.
Русский фактор в политической жизни Казахстана 368

Нацуко Ока.
Государство – этническое меньшинство –
родина этого меньшинства (Русские, уйгуры и корейцы
в постсоветском Казахстане и к своей родине) 389

Петр Своик, Александр Либман.
Экономика Казахстана: достижения, перспективы, проблемы
(в сравнении с Россией) 406

Александр Либман.
Взаимодействие государства с национальными и иностранными
корпорациями в России и в Казахстане 451

Станислав Жуков.
Экономический опыт Казахстана: уроки для России 471

Екатерина Борисова.
Транснациональные корпорации в Казахстане 499